

Отже, зробимо висновок.

Є. Гуцало належить до когорти шістдесятників, які принесли в літературу нову концепцію людини і започаткували в українській прозі низку нових жанрово-стильових явищ. Основними з них є такі:

- Ліризація прози, повернення в літературу духовного всесвіту конкретної особистості і реабілітація художнього психологізму.
- Дегероїзація прози, пов'язана з “другим прочитанням війни”. В його основі – концептуальний образ дитини-“підранка”, що сприймає світ поза ідеологічними і політичними стереотипами.
- Амбівалентність героя, заперечення “чорно-білої” оцінкової шкали і аксіологічної однозначності у творенні персонажів.
- Насторожене ставлення до героїки, романтичності, піднесеності і будь-якої винятковості в характерах і ситуаціях творів.

Спільна концепція людини, яка революціонізувала українську літературу, у прозі шістдесятників набула істотних індивідуально-авторських модифікацій, зберігаючи свою автентичність. У прозі Є. Гуцала вона набула форми концептуалізованої вікової стратифікації героїв, життєвого шляху від дитинства до старості. Кожна з фаз життя людини в його творах має глибокий філософський зміст, формуючи багатогранний образ духовного всесвіту особистості.

Джерела та література:

1. Агеева В. П. Пам'ять подвигу : Українська воєнна проза 60–80-х років / Агеева В. П. – К. : Наук. думка, 1989.–272 с.
2. Історія української літератури: У 2 кн. / [ред. М. Г. Жулинський]. – Київ : Либідь, 2006. – кн. 2. – 656 с.

Курьянов С.О.

УДК 821.161.1:82-43

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ПРОЯВЛЕНИИ «ВОСТОЧНОГО» ИНВАРИАНТА КРЫМСКОГО МИФА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XVI ВЕКА («КАЗАНСКАЯ ИСТОРИЯ» И «ТРОИЦКАЯ ПОВЕСТЬ О ВЗЯТИИ КАЗАНИ»)

Аннотация. В статье на примере «Казанской истории» и «Троицкой повести о взятии Казани» излагается взгляд на Крым как восточную страну в русской публицистике XVI века. Еще в конце XIV века в русской литературе формируется миф о Крыме как о восточной басурманской земле. XVI век – время расцвета русской публицистики. Публицистические жанры в это время активно использовали политические противники. «Казанская история» и «Троицкая повесть о взятии Казани» не только отражали политическую борьбу 60-х годов XVI века, но и исподволь формировали отношение к Крыму как чуждой враждебной земле.

Ключевые слова: миф, Крым, инвариант, публицистика, Восток, враги, чужаки, иноверцы.

Анотация. У статті на прикладі «Казанської історії» та «Троїцької повісті про взяття Казані» викладається погляд на Крим як східну країну в російській публіцистиці XVI століття. Ще наприкінці XIV століття в російській літературі формується миф про Крим як про східну басурманську землю. XVI століття – час розквіту російської публіцистики. Публіцистичні жанри в цей час активно використовували політичні супротивники. «Казанська історія» та «Троїцька повість про взяття Казані» не тільки відображали політичну боротьбу 60-х років XVI століття, а й поступово формували ставлення до Криму як до чужої ворожої землі.

Ключові слова: миф, Крим, інваріант, публіцистика, Схід, вороги, чужаки, іновірці.

Summary. The view of Old Russian authors at the Crimea as the Oriental country is presented in the article on the example of publicist works of the 16 century. The works are shown to have been forming negative attitude to the Crimea as the strange alien land.

At the end of the 16 century in Russian literature the myth about the Crimea as the oriental alien land. From the myth about the sanctity of the Crimea with the Chersonese as the center Old Russian authors pass over to forming the myth about the depravity of the Crimea. The centre of this myth becomes Kafa (Feodosiya), also the border of the Great Steppe and alien land Perekop.

The 16 century is the time of prosperity of Russian published editions. The political and social genres at that time are intensely used by the political rivals including Tsar Ivan the Terrible who showed the talent in writing. The “Kazan story” in which the anonymous author follows the side of Ivan the Terrible highlighted the political struggle of the 60th of the 16th century. Although the Kazan land is accepted by the author as the native one but the Crimean – as the alien, because in author’s opinion the Kazan kingdom is situated on the Russian land differently from the Crimea still it remains alien. “The Troitskaya narrative of conquering Kazan” cherishes the idea of god patronage to the Russian monarch. The author of the work analyzes the events from the point of view of history and church and Christianity in Old Rus. That’s why the Crimean Tatars are enemies because they are adherents of a different faith, the enemies of the Christian Tsar, consequently the enemies of Russian land.

Keywords: myth Crimea, invariant, political and social genres, East, enemies, aliens, adherents of a different faith.

К XIII веку в русскую литературу прочно входит первый инвариант Крымского мифа – миф о Крыме как святой земле. После крещения князя Владимира Крым воспринимался *своей чуждой* землей. Но начиная со второй половины XIII века упоминание Крыма, воспоминания о Крыме из русской литературы исчезают.

А в конце XIV века о нем постепенно вновь начинают говорить, но теперь уже только как о земле *чуждой*. Начинает складываться новый миф о Крыме как о Восточной мусульманской стране. Более того, от мифа о святости Крыма с центром в Херсонесе авторы переходят к формированию мифа о порочности Крыма, при этом центром этого мифа становится вовсе не столица Крымского ханства, а крупнейший черноморский крымский порт, торговый центр и, что особенно важно, центр работоторговли – генуэзский город Кафа (Феодосия), а также граница Великой Степи (которая в определенной степени еще воспринимается как *своя*) и *чуждой* земли – Перекоп. Нередко в литературе этого периода крымский хан так и назван – «перекопский царь» [см., напр.: 5].

Впервые отношение к Крыму как к абсолютно *чуждой* земле проявилось в произведениях Куликовского цикла – «Задонщине» («Слове о великом князе Дмитрее Ивановиче и о брате его, князе Владимире Андреевиче, яко победили супостата своего царя Мамаю»), летописной повести о Куликовской битве («О побоищи иже на Дону и о томь, что Князь Великий бился съ Ордою»), «Сказании о Мамаевом побоище» («Како дарова Богъ победу государю великому князю Дмитрею Ивановичу за Дономъ над поганым Мамаем, и молением Пречистыя Богородица и русьских чудотворцевъ православное христианство Русскую землю Богъ възвыси, а безбожных агарянь посрами»). Все – конец XIV века. И все связаны одним именем – ордынского темника Мамаю. А также упоминание Крымской земли находим в произведениях, написанных в то же время, – «Повести о нашествии Тохтамыша» («О пленении и о приходе Тахтамыша царя, и о московскомъ взятии») и в «Письме Епифания Премудрого к Кириллу Тверскому».

После этого вплоть до конца XVIII века в русской литературе формируется еще один миф о Крыме как о чуждой, враждебной земле – так сказать, миф о Крыме как восточной басурманской земле. Оттуда, из Крыма, совершаются набеги на Русскую землю. О святых местах Тавриды русские книжники и писатели забывают.

Цель данной статьи – показать, как проявлялся взгляд на Крым в русской публицистике XVI века.

XVI век – время расцвета русской публицистики. Общественно-исторические события (восхождение на престол Ивана IV Грозного, борьба придворных партий, опричнина, централизация власти, завоевание Казанского и Астраханского ханств и др.) всячески этому способствовали. Без агитации и пропаганды влияние на определенные политические силы было бы невозможно. И этим активно пользовались политические противники, в том числе и государь – Иван Грозный, проявивший незаурядный талант, если не сказать художественно-публицистическую гениальность.

Одним из центральных произведений этой эпохи является «Казанская история» («Сказание вкратце от начала Царства Казанскаго и о бранех, и о победахъ великих князей Московских со цари Казаньскими, и о взятии Царства Казани, еже ново бысть»), созданная в 1564–1565 годах. Высокими художественно-публицистическими достоинствами несомненно обладают письма Ивана Грозного, обращенные к разным людям, предназначенные не только для личного пользования, но первым делом для доведения своей позиции до современников. Несомненно выдающимся литературным дарованием отмечены также письма Андрея Курбского и его же «История о великом князе Московском» («История о великом князе московском: еже слышахом у достоверных, и еже видехом очима нашими») (1570-е). Еще одним крупным писателем эпохи был Иван Семенович Пересветов – автор «Малой челобитной», «Большой челобитной», «Сказания о Магмете-султани» и других широко известных и популярных на Руси произведений.

«Казанская история» – произведение остропублицистическое. Написанное в годы обостренных отношений Грозного с феодальной знатью, оно отразило – в трактовке исторических событий – политическую борьбу 60-х гг. XVI в., в которой автор последовательно стоит на стороне Ивана Грозного, что привело «к намеренному искажению в “Казанской истории” целого ряда исторических фактов» [1]. В произведении присутствует и чисто художественный вымысел [см.: 7]. Автор постоянно стремится заинтересовать читателя, связать отдельные исторические события в единый сюжет [см.: 2], что приводит «к свободному обращению автора с многочисленными историческими... источниками» [1].

Текст «Казанской истории» – яркий пример того, как в середине XVI века воспринимался Крым. Неизвестный автор «Казанской истории», согласно данным, содержащимся в тексте произведения, русский по происхождению, двадцать лет (с 1532 по 1551 год) прожил в Казани как пленник, принявший мусульманство, и лишь во время взятия Казани вышел из города и поступил на службу к Ивану Грозному. Считается, что его длительное пребывание в Казани и тот факт, что он не воспользовался возможностью покинуть город вместе с другими русскими пленниками задолго до взятия города, объясняется особым тайным заданием, которое он выполнял: «находясь при царском дворе, он мог оказывать услуги и русскому правительству» [6, с. 279]. Хотя это только предположение, но, как бы то ни было, для нас важна длительная близость автора к Сафа-Гирею – выходцу из крымского рода Гиреев, – который трижды сидел на Казанском престоле и управлял Казанским ханством, окружив себя вельможами и воинами из Крыма, что вызывало недовольство жителей ханства, которые, ощущая двойной гнет – своих вельмож и крымских, решались на открытые антикрымские выступления. Поэтому бесславная гибель Сафа-Гирея описана как заслуженный итог его деяний: «...казанцы... молиша царя Сап-Кирея, да изыдет паки третье к нимъ на Казань царемъ... Онъ же радъ бысть и поиде с ними, прииде с честию в Казань. И встретиша с дары царскими и умиришася с ним. И царствова напоследок два лета, и злокаянную свою душу изверже».

Словес Божиих суд! Мечь и копие не уби его, и многожды на ратех смертныя раны возлагаху нань, ныне же, пьянь, лице свое и руце умываше и напрасно занесеся ногама своима, и главою о умывалничный теремец ударися до мозгу, и о землю весь разразися, и все составы тела его расслабишася, и не успевшим

его предстоящим скоро подхватити. И от того умре того же дни, глагола сие, яко: “Несть ино ничто, но кровь христианская уби мя”. И всех летъ царствова на Казани 32 лета» [4].

М.Г. Худяков по этому поводу замечал: «В марте 1549 года хан Сафа-Гирей скоропостижно скончался. Он имел всего 42 года и был в расцвете сил и здоровья. По поводу неожиданной смерти составитель “Казанского летописца” не преминул сочинить целую басню... <...> Если откинуть вымышленные подробности, мы имеем дело со скоропостижной смертью: с ханом произошел внезапный удар, и он быстро скончался. Вымышленная бытовая деталь – упоминание о том, будто хан споткнулся от того, что был пьян – должна быть приписана тому излюбленному автором “Казанского Летописца” насмешливо-злomu тону, с каким он постоянно изображает несчастья и неудачи казанцев, и потому отнесена к области фантазии. Крымский историк XVI века Мустафа аль-Дженнаби дал следующую оценку деятельности покойного хана: “Сафа-Гирей хан был одним из величайших и могущественнейших государей. Правил он в продолжение 27 лет; в его время государство благоденствовало, и под защитою его победоносного оружия владения процветали”» [11, с. 112–113].

Для автора же «Казанской истории» у Сафа-Гирея «злеокаянная» душа, несмотря даже на то, что некогда его взял «к себе царь с любовию служить во дворъ свой, и сотвори... пред лицомъ своимъ стояти» [4]. Несомненным пороком властителя, по мысли автора, является тот факт, что особый почет у казанского царя имеют не казанцы, а крымцы – «многие крымские уланове и князи, и мурзы». Это-то и приводит в конце концов к народному бунту, который вторично изгоняет Сафа-Гирея из Казани: «И воста в Казани в велможяхъ и во всем народе смятение велико, воздвигоша бо крамолу вси болшие с меншими на царя своего, Сат-Кирея, и свергоша его с царства своего, и выгнаша ис Казани со царицами его. И мало его не убиша за вину сию, что онъ приемляше своя земли крымскихъ срацынь, приходящихъ к нему в Казань, и велможами быти устрояше, и богатыше их, и почиташе, и власть велику подаваше имъ, и обиде казанцевъ, и любляше и брежаше ихъ паче казанцевъ» [4]. Таким образом формировался миф о различии крымцев и казанцев. При этом казанцы воспринимались как *свои, близкие*, имеющие много общего с русскими и Русью, крымские же татары напротив воспринимались как *чужие, пришлые, не свои*. С казанцами даже земля общая, и живут они на русской земле. Крымцы – напротив, как видим, названы «сарацинами»: «приемляше своя земли крымскихъ срацынь», – а земля «своей».

Необходимо помнить, что, как утверждает М. Фасмер, «сарацин «араб, мусульманин», *прилаг.* сарацинский, также сарачинский; ...*русс.-цслав.* сракининъ, саракининъ, *ст.-слав.* срацине...» [10, с. 561]. И если здесь и примешивается добавочный смысл («чужой, враг»), то главным все-таки остается основной, тот, который заставляет недавно вернувшегося в православие автора «Казанской истории» считать крымцев более мусульманами, нежели казанцы, пригласившие на царствование крымского царевича.

То есть деление идет на своих и на чужих мусульман. Указанием на то, что казанскую землю автор воспринимает как свою, а крымскую как чужую является и фраза, отнесенная к размышлениям Ивана Грозного: «И уведа царь и великий князь Иоанъ Васильевичъ, яко издавна стоять на Руской его земли царство срацынское Казань...» [4]. Здесь царство, конечно, «срацынское», но стоит оно (что особо подчеркнуто!) *на русской земле*. О Крымском ханстве в древнерусской литературе такого никогда сказано не будет.

Иначе, нежели «Казанская история», смотрит на крымцев и «крымского царя» «Троицкая повесть о взятии Казани» («Сказание о велицей милости Божии, еже Всемилостивый Богъ сотвори на рабе своемъ благочестивомъ царе и великомъ князе Иване Васильевиче, како срачинъ победы и Казань взя»). А.Н. Насонов датировал памятник временем не позднее лета 1553 года [см.: 8, с. 6]

По мнению исследователей, историко-литературную ценность Троицкого сочинения определяет прежде всего тот факт, что оно послужило одним из непосредственных источников «Казанской истории», на что впервые обратил внимание А.Н. Насонов (текст речи митрополита Макария, рассказ о прощании Грозного с царицей Анастасией, описание молебна в коломенском Успенском соборе, рассказ о приходе троицких чернецов под Казань, описание Казани и др.).

«В жанровом отношении, – пишет Т.Ф. Волкова. – Троицкое сочинение соединяет в себе черты традиционной исторической повести и агиографического произведения. Создавая свою повесть в стенах знаменитой Троицкой обители, ее автор постоянно стремится подчеркнуть роль монастырских святынь в успешном ходе осады Казани. Все повествование здесь пронизано идеей Божественного покровительства Ивану Грозному и непосредственной связи его победы над Казанью с помощью высших сил и прославленных русских святых, среди которых первостепенная роль отведена основателю Троицкого монастыря преподобному Сергию Радонежскому» [3].

Именно этим объясняется угол зрения автора произведения, рассматривавшего события сквозь призму истории церкви и православной веры на Руси. Поэтому основной акцент в отношении крымских татар сделан как раз, так сказать, в конфессиональном русле. «...а ныне, де, – пишет автор «Троицкой повести...», – идетъ на нас нашъ недругъ *крымской царь* и хочетъ, *безбожный*, разорити православную веру». И далее: «царь и великий князь Иван Васильевичъ всеа Русии самодержецъ поиде противу оногo *зловерного царя крымского*»; «и прииде к нему вестъ ис поля, яко *безбожный царь крымский* идетъ со многими силами и уже ко украине приближается»; «Царь же и великий князь нача поведати скорбь свою и *всего православнаго христианства, что недруг его крымской царь* идетъ со многими людьми и с великим нарядом»; «возвестиша им, яко *многия люди крымския* идут из загонов и много полон ведутъ. Они же вскоре их постигоша и помощию Божию и молитвами пречистыя Богородица, христианския заступница, и великих чудотворцов русских *многих безбожных агарян* побиша, и многие языки изымаша, и весь той

полон православное христианство отполониша»; «И прииде вестникъ ко царю и великому князю и сказа, яко *поганых многих* побиша и многи языки приведоша, и мног полон отполониша, а *нечестивый царь* скоро побеже тою же дорогою»; «благочестивый царь и великий князь и видех оных *многихъ срацын* приведенныхъ, и прослави всеильного Бога, яко такуюю победу дарова ему Богъ молитвами пречистыя Богородица и великихъ чудотворцовъ русскихъ» [3] (везде курсив наш. – С.К.) и т.п.

То есть в «Троицкой повести...» крымские татары враги не потому, что чужаки, а постольку, поскольку иноверцы. Они – враги православного царя, поэтому и враги Русской земли.

Выводы. Таким образом, если судить по «Казанской истории» и «Троицкой повести о взятии Казани», в XVI веке вырабатывается двойкий взгляд на Крым. С одной стороны (по «Казанской истории»), Крым и крымцы – жестокие и коварные чужаки, претендующие на русскую землю. По другой версии («Троицкой повести...»), и Крым, и крымцы – «срацыны» не потому, что чужаки, а потому, что иноверцы. Верой своей они противны православному царю и поэтому враги и ему, и всей Русской земле.

Источники и литература:

1. Волкова Т. Ф. Казанская история [Электронный ресурс]: [вступительная статья] / Т. Ф. Волкова; подгот. текста и пер. Т. Ф. Волковой, коммент. Т. Ф. Волковой и И. А. Лобаковой // Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ; Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексева, Н. В. Поньрко. – СПб.: Наука, 2000. – Т. 10: XVI век. – 618 с. – Режим доступа: http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=5148#_ednref25
2. Волкова Т. Ф. Работа автора «Казанской истории» над сюжетом повествования об осаде и взятии Казани / Т. Ф. Волкова // Труды Отдела древнерусской литературы: Т. XXXIX. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1985. – С. 308–322.
3. Волкова Т. Ф. Троицкая повесть о взятии Казани [Электронный ресурс]: [вступительная статья] / Т. Ф. Волкова; подгот. текста, пер. и коммент. Т. Ф. Волковой // Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ; Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексева, Н. В. Поньрко. – СПб.: Наука, 2000. – Т. 10: XVI век. – 618 с. – Режим доступа: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=5149>
4. Казанская история [Электронный ресурс] / Подгот. текста и пер. Т. Ф. Волковой, коммент. Т. Ф. Волковой и И. А. Лобаковой // Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ; под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексева, Н. В. Поньрко. – СПб.: Наука, 2000. – Т. 10: XVI век. – 618 с. – Режим доступа: http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=5148#_ednref25
5. Курбский Андрей. Сочинения Андрея Курбского: История о великом князе Московском [Электронный ресурс] / Андрей Курбский // Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ; под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексева, Н. В. Поньрко. – СПб.: Наука, 2001. – Т. 11: XVI век. – 683 с. – Режим доступа: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=9862>
6. Моисеева Г. Н. Автор «Казанской истории» / Г. Н. Моисеева // Труды отдела древнерусской литературы: Т. IX. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. – С. 266–288.
7. Моисеева Г. Н. Казанская царица Сююн-бике и Сумбека «Казанской истории» / Г. Н. Моисеева // Труды Отдела древнерусской литературы. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. – Том XII. – С. 174–187.
8. Насонов А. Н. Новые источники по истории Казанского взятия / А. Н. Насонов // Археографический ежегодник за 1960 г. – М.: [б. и.], 1962. – С. 3–27.
9. Троицкая повесть о взятии Казани [Электронный ресурс] / Подгот. текста, пер. и коммент. Т. Ф. Волковой // Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ; под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексева, Н. В. Поньрко. – СПб.: Наука, 2000. – Т. 10: XVI век. – 618 с. – Режим доступа: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=5149>
10. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / М. Фасмер; пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. – 2-е изд., стер. – М.: Прогресс, 1986–1987. Т. 3: Муза – Сят. – 1987. – 832 с.
11. Худяков М. Г. Очерки по истории Казанского ханства / М. Г. Худяков. – Изд. 3-е, доп.; воспроизвед. по тексту 1-го изд. (Казань: Комбинат изд-ва и печати, 1923). – М.: ИНСАН, Совет по сохранению и развитию культур малых народов, СФК, 1991. – 320 с.; карт.